Хуа Ба: Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Чжоу Хун: Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Ло Фан: Прячусь под кастрюлей, ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Сун Чжиянь: Ну и идиоты.

Сун Чжиянь с досадой выключил телефон — ему не хотелось больше общаться с этими придурками, которые только и умеют, что ржать.

Что ж, он и сам понимал, что вёл себя по-детски, ревнуя чуть ли не к котам.

Впрочем, день выдался на редкость насыщенным и приятным. Они успели сделать всё, что планировали, и даже то, о чём не задумывались, — и обоим хотелось продолжения. Если бы не поздний час и не необходимость беречь Сун Чжияня, который только что «оправился от тяжёлой болезни», они бы точно не разошлись.

Но ничего, впереди ещё много времени. Не стоит пытаться успеть всё сразу — постепенно, неспешно, вдвоём, — именно так и складывается счастье.

Сун Чжиянь думал, что день клонится к закату: сейчас они доберутся до дома, поужинают тем, что приготовит Чжан Цзиньсяо, займутся лечебной физкультурой, потом будет расслабляющий массаж, и вечер пройдёт в уютной атмосфере.

Однако водитель внезапно переключил радио с развлекательного канала на новостной. И как раз вовремя — передавали сенсацию.

— Председатель правления Корпорации Сун в городе S обвинён в коррупции и уклонении от налогов. В связи с крупным экономическим преступлением он арестован. Акции корпорации обрушились. Согласно достоверным источникам, компанию уже выкупили, и меньше чем за сутки у неё появился новый владелец.

Как только новость прозвучала, Чжан Цзиньсяо невольно взглянул на Сун Чжияня, желая увидеть его реакцию. А Сун Чжиянь, не ожидавший, что всё вскроется так быстро, тоже посмотрел на Чжан Цзиньсяо. Их взгляды встретились.

Для Чжан Цзиньсяо процветание или крах корпорации Сун не имели никакого значения. Разве что фамилия владельца совпадала с фамилией Сун Чжияня. Но он понимал: если бы не несчастный случай, именно Сун Чжиянь был бы настоящим хозяином компании. Теперь, когда корпорация оказалась в центре скандала, что на душе у Сун Чжияня?

В глазах Чжан Цзиньсяо читалось колебание. Он долго мялся, прежде чем нахмуриться и спросить:

— Ты… ты в порядке?

В его голосе слышалось искреннее беспокойство.

А что могло случиться с Сун Чжиянем? Он не рассказывал об этом раньше, чтобы Чжан Цзиньсяо не переживал, но теперь, когда всё решено, скрывать больше не было смысла.

Было немного неловко: одно дело — рассказать самому, и совсем другое — когда это всплывает в новостях.

Видя обеспокоенный взгляд Чжан Цзиньсяо, Сун Чжиянь, конечно, не стал лгать в такой мелочи. Он потрепал его по голове и ободряюще улыбнулся:

— Вернёмся домой, я всё расскажу. Не волнуйся, всё под моим контролем.

Его улыбка была уверенной и дерзкой, казалось, новость ничуть его не задела.

Чжан Цзиньсяо помедлил, кивнул и больше ничего не сказал. Но атмосфера между ними, до этого лёгкая и непринуждённая, сразу изменилась.

Сун Чжиянь чувствовал себя неловко. Чжан Цзиньсяо был хорош во всём, но вот молчаливость и привычка держать всё в себе… Это было трудно. Использовать методы психологического давления, как с врагами, он не мог, поэтому решил, что дома всё объяснит.

Из-за этой новости они даже в супермаркет не заехали, сразу отправились домой.

…

Войдя в дом, Сун Чжиянь первым делом бросил кепку на крючок, затем, желая задобрить Чжан Цзиньсяо, помог ему снять солнцезащитные очки с переносицы, помог переобуться и усадил на диван.

Если раньше Чжан Цзиньсяо беспокоился, что Сун Чжиянь расстроится из-за потери дела всей жизни, то теперь, видя его подозрительно услужливое поведение, он перестал волноваться, но зато его одолело недоумение.

Он нахмурился, молча наблюдая за тем, как Сун Чжиянь суетится вокруг.

Сун Чжиянь кашлянул, протянул ему стакан воды, дождался, пока тот сделает глоток, и, моргая, сказал:

— На самом деле я знал об этом заранее. Тот, кто выкупил корпорацию — это я. Реорганизация была нужна лишь для того, чтобы отмыть репутацию компании, подпорченную той женщиной. В конце концов, то, что принадлежит мне, должно остаться у меня.

Сун Чжиянь говорил это так легко, что у Чжан Цзиньсяо дрогнула рука со стаканом. Стеклянная посуда с мелодичным звоном ударилась о журнальный столик. Чжан Цзиньсяо растерянно посмотрел на него:

— Но ты же… ты же проходил реабилитацию, откуда у тебя время…

— Деньги творят чудеса. Я был в коме десять лет, но она не смогла прибрать к рукам всё моё, — Сун Чжиянь презрительно усмехнулся. — Если что-то сделано, следы остаются. Стоило приложить немного усилий, чтобы всё найти. Тем более, что Гу Пин нечиста на руку, да и жадность её сгубила — она оставила столько улик, к тому же успела насолить другим. Кто бы ещё, если не она, должен был рухнуть?

Сун Чжиянь ни во что не ставил Гу Пин. Говорят, она умна — пробилась через тернии, окрутила старика. Но она была и глупа: стоило ему попасть в беду, а старику уйти из жизни, как она возомнила, что схватила бога за бороду, и бросила все силы на компанию.

Даже если не брать в расчёт то, что подчинённые её не уважали, она была глупа уже тем, что ради этих внешних атрибутов власти запустила воспитание собственного сына.

Сун Чжиянь задумался и добавил:

— Ты не смотри, что Сун Чжоучжоу сейчас такой, в детстве он был довольно милым. Ты ведь его раньше видел, верно?

На этот раз Чжан Цзиньсяо посмотрел на него взглядом, который Сун Чжиянь не смог расшифровать, и искренне улыбнулся:

— Поздравляю, ты добился своего и вернул то, что хотел.

Сказав это, он встал, закатал рукава и спросил:

— Я приготовлю ужин. Что ты хочешь?

Его улыбка казалась такой же, как всегда, но Сун Чжиянь вдруг нахмурился. Он схватил Чжан Цзиньсяо за запястье, заглянул в глаза и почувствовал: если сейчас что-то не сказать, случится нечто плохое.

В голове пронеслись тысячи вариантов, но в порыве чувств он выпалил:

— Корпорация Сун… хочешь её? В качестве вознаграждения за то, что заботился обо мне эти десять лет.

Как только слова слетели с языка, он подумал, что это неплохая идея. Глядя на ошеломлённое лицо Чжан Цзиньсяо, он повторил, стараясь говорить легко:

— Я серьёзно. Я очень тронут тем, как ты ко мне относишься. Если хочешь, я отдам тебе компанию, и тебе больше не придётся так тяжело работать.

Но на этот раз всегда мягкий Чжан Цзиньсяо впервые не ответил улыбкой. Впервые за несколько месяцев он посмотрел на Сун Чжияня холодно, как на чужого человека.

— Не нужно. Я помогал тебе лишь из благодарности за то, что десять лет назад ты помог оплатить лечение моей матери.

Встретившись с его ошеломлённым взглядом, Чжан Цзиньсяо даже не обернулся — он просто ушёл в свою комнату.

***

Сун Чжиянь в тот же миг понял, что сморозил глупость. Слово «вознаграждение» превратило всё, что делал Чжан Цзиньсяо, в товар, в сделку. Это было оскорблением его чувств.

Прожив столько жизней в Мире Сансары, Сун Чжиянь понимал цену искренности лучше, чем кто-либо другой. И вот теперь он сам растоптал чувства Чжан Цзиньсяо!

Он влепил себе звонкую пощёчину, почувствовал жжение на щеке и выругался:

— Чёрт!

Сун Чжиянь, ну что ты наделал! Сначала заставил его усомниться в доверии, а теперь ещё и выболтал эту чушь.

Что делать? Он никогда не умел извиняться. Сун Чжиянь метался по гостиной, а потом, не зная, куда себя деть, подошёл к двери Чжан Цзиньсяо:

— Прости, А Сяо, я сказал это не подумав. Я совсем не то имел в виду. Если злишься — бей меня, только не запирайся в комнате.

Минуты через две раздался усталый голос Чжан Цзиньсяо:

— Я устал. Поешь что-нибудь сам или закажи доставку, не беспокойся обо мне.

Не беспокоиться? Как же! Сун Чжиянь криво усмехнулся:

— Не злись, пожалуйста. Поешь хотя бы немного. Ты утром почти не ел, и в обед тоже. Так ты совсем ослабнешь.

В комнате воцарилась тишина. Сун Чжиянь подождал ещё немного, но, поняв, что тот не передумает, тяжело вздохнул.

Чжан Цзиньсяо, сидевший на кровати, услышал звук ключей и хлопок входной двери. Его длинные ресницы дрогнули, отбрасывая тень, словно крылья умирающей бабочки.

Он откинулся на мягкий матрас и уставился в потолок. Вся накопленная усталость и подавленные эмоции нахлынули разом, погружая его в темноту.

Он невольно вспомнил прошлое.

Часы, машины, дома… Сун Чжиянь всегда был щедр к своим любовникам, а теперь дошла очередь и до него.

Корпорация Сун? Чжан Цзиньсяо усмехнулся. Дорогой подарок. Не зря он бизнесмен — привык всему назначать цену. Значит, и эти дни вместе были частью расчёта?

Чжан Цзиньсяо прикрыл глаза рукой, пряча свою слабость во тьме.

Даже он… даже он может чувствовать боль.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда послышался звук открываемой двери — Сун Чжиянь вернулся. Чжан Цзиньсяо приоткрыл глаза, хотел встать, но усталость прижала к кровати. Тело само погрузилось в дрёму.

Сознание плыло, пока его не прервал чёткий стук в дверь.

Чжан Цзиньсяо приподнялся, не понимая, который час. Он несколько раз сильно моргнул, пытаясь прогнать туман.

Стук продолжался. Мозг медленно включался. Вставая слишком резко, он почувствовал головокружение и чуть не упал, схватившись за стол. При этом он случайно смахнул стакан, который с грохотом разбился об пол.

Звук был громким. Сун Чжиянь за дверью замер, подумав: Неужели он так разозлился, что начал крушить вещи? Не успел он додумать, как дверь открылась.

Перед ним предстал Чжан Цзиньсяо — заспанный, с красным следом от подушки на щеке и нахмуренными бровями.

Сун Чжиянь замер, поняв, что разбудил его. Заглянув внутрь, он увидел разбитый стакан.

Чжан Цзиньсяо, немного придя в себя, проследил за его взглядом. Голос его охрип:

— Только проснулся, случайно задел.

Тут он заметил поднос в руках Сун Чжияня. На нём лежали оранжевые тыквенные лепёшки и маленькая чашка с медовой водой.

— Поешь и поспи. Я на скорую руку сделал, помню, ты любил такие сладости.

Чжан Цзиньсяо не помнил, как взял поднос. Только когда он поставил его на прикроватный столик, у него вдруг защипало глаза. Он сделал глоток медовой воды, откусил кусочек мягкой лепёшки.

Он не понимал, что происходит в голове у Сун Чжияня, но не хотел разрушать этот момент. Пусть это лишь мираж, но пока они живут так, он ни о чём не жалеет.

Он съел две лепёшки, почувствовал спазм в желудке и отложил остальное. Оставшийся кусочек он, опустив голову, выбросил в мусорное ведро, а поднос вынес обратно.

Сун Чжиянь стоял у раковины и с озабоченным видом мыл пару тарелок, перемывая их по десять раз. Увидев Чжан Цзиньсяо, он просиял.

Он осторожно взял поднос и, увидев пустую тарелку, радостно спросил:

— Всё съел? Понравилось?

Чжан Цзиньсяо не хотел выглядеть как обиженная жена, выпрашивающая жалость. Он лишь слабо улыбнулся:

— Да, очень вкусно.

Сун Чжиянь указал на тарелки:

— Давай я помою. Ты устал, иди отдохни.

— Спасибо, — тихо сказал Чжан Цзиньсяо.

— Не за что, не за что! — Сун Чжиянь был готов светиться от счастья, лишь бы тот перестал злиться.

Он проводил Чжан Цзиньсяо взглядом, когда тот снова ушёл в комнату.

Но раз он поел и заговорил — значит, всё не так плохо, правда?

Поникший пёс забился в угол и достал телефон, открыв чат с тем самым подкаблучником, которого раньше презирал.

Сун Чжиянь: Спросить хочу.

Хуа Ба ответил мгновенно: Ого, ты решил спросить у меня? Что, опять мелкие проблемы или Небесный Путь чудит?

Сун Чжиянь: Ни то, ни другое.

Хуа Ба: ??? А что тогда? Говори быстрее, жена уже косо смотрит, ещё чуть-чуть — и подумает, что я на сторону хожу…

Сун Чжиянь: А где же доверие?

Хуа Ба: …Давай ближе к делу! Знаешь, что такое «любовная тревога»?

Сун Чжиянь: Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь?

Хуа Ба: Твою мать… Папа, давай быстрее, жена зовёт ужинать.

Сун Чжиянь: …

Хуа Ба: …???

Сун Чжиянь: Ты обидел свою жену. Как его задобрить?

Хуа Ба: ……

Хуа Ба: Я правильно понял вопрос?

Хуа Ба: Погоди, дай посмеяться, папа.

Хуа Ба: Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!

Хуа Ба: Сун Чжиянь, твою мать, дожил! Дожил!

Сун Чжиянь: [Картинка: нежная улыбка :)]

Хуа Ба: Погоди, погоди! Папа, дай подумать!

Хуа Ба: Есть! Чтобы задобрить жену, первое: признай вину с искренним видом. Неважно, виноват ты или нет — сначала признай, верни его расположение, а потом разбирайся. Твоя гордыня и «я всегда прав» тут не прокатят!

Сун Чжиянь: Я признал! И даже испек его любимые лепёшки. Но он всё равно какой-то грустный.

Хуа Ба: !!! Прости, недооценил я тебя. Если первое не помогло, переходи ко второму: сладкие речи. Раз уж признал вину, скажи что-нибудь приятное, подлижись!

Сун Чжиянь: Ты можешь не нести чушь?

Хуа Ба: …Ты и это сделал? Не ожидал, ты явно прогрессируешь в любви…

Хуа Ба: Третий шаг: подарки. Тут надо раскошелиться. Если жена хочет звёзды с неба — доставай их, даже если для нас это пустяк… Суть в том, что ты готов на всё. Это мой богатый опыт.

Сун Чжиянь: Он не тщеславен, ему не нужны эти вещи.

Хуа Ба: Редкость, похвально.

Хуа Ба: ? Стоп, что-то здесь не так.

Хуа Ба: !!! Сун Чжиянь, я предупреждаю: меня можешь ругать, но попробуй сказать, что моя жена тщеславна — убью! Мне нравится ему дарить, тебе-то что!?

Сун Чжиянь: …

Хуа Ба: …

Сун Чжиянь: Ладно, извини. Продолжай.

Хуа Ба: …Добиться от тебя извинений — уже неплохо!

http://bllate.org/book/19085/1874249